

ИСТОРИЯ

Б.Г. Алиев

**К ВОПРОСУ О РАССЕЛЕНИИ ДАРГИНЦЕВ И ИХ
РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЯХ
(V–XV вв.)**

Известно, что до принятия ислама народы Дагестана придерживались различных религиозных верований. В данной статье не ставится цель проследить, какие именно верования были распространены в Дагестане, чему поклонялись как местные жители, так и различные тюркоязычные этносы – маскуты и гунны (IV–VII вв.), савиры (VI в.), тюрки (конец VI – первая треть VII в.), хазары (середина VII в.) и остатки ираноязычных племен (середина II–IV вв.), которые постоянно на протяжении веков сменяли друг друга в Приморском Дагестане.

Каких религиозных представлений и мировоззрений придерживались они, а также местное население Дагестана, хорошо показано в вышедшей недавно крупной монографии Л.Б. Гмыри «Религиозные представления населения Приморского Дагестана в IV–VII вв.». Автор работы пишет, что в «них синтезировались компоненты как идеологии господствовавших тюркоязычных этносов, так и местного кавказского населения, а также остатков ираноязычных племен – гегемонов в степях Северо-Западного Прикаспия в период II–IV вв.» (Гмыря Л.Б., 2009. С. 4).

Наша цель остановиться только на вопросе, как распространялись иудаизм и христианство среди даргинцев, проживавших, согласно народным преданиям, топонимическому материалу, записям в местных летописях (рагъамах), свидетелями существования которых были местные ученые-арабисты из разных сел, видевшие и читавшие их, а также исследованиям ряда известных ученых на равнине и в предгорье. Поэтому мы не будем останавливаться на анализе источников, в которых в той или иной мере указывается на религиозные представления населения Приморского Дагестана, которое придерживалось известных культовых обычаев, поклонялось различным божествам, известным под разными именами и т.д. Эта территория к северу от Закавказья обозначена Псевдо-Захарием «областью языческих народов» (Псевдо-Захария. «Хроники Захарии Ритори (Главы, относящиеся к гражданской истории)» / Пер. Н. Пигулевской // Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР // Труды Института востоковедения. М.:Л., 1941. Т.XLI).

Согласно письменным источникам, христианство начало распространяться в различных районах Дагестана еще в первые века нашей эры. Христианство проникало в Дагестан как с юга, так и с северо-запада.

С юга христианство в Дагестане распространялось миссионерами из Армении, где оно стало господствующей религией еще с IV в. н.э. С деятельностью армянских миссионеров в Дагестане связано распространение христианства и среди второго по численности народа Дагестана – даргинцев. Но, конечно, не везде, т.е. не на всей территории, занятой даргинцами в тот период, шло одновременно распространение христианства, и притом одинакового толка. Все зависело от того, чьи миссионеры (византийской, грузинской или иной церкви) появились первыми в том или ином районе даргинцев.

Но, как показывают собранные нами сведения, в основном христианство среди даргинцев распространялось с юга и оно было связано с его проникновением и утверждением начиная с этого региона и главным образом в районе Дербента.

Первые попытки армянской церкви распространить христианство в районе Дербента относятся к IV в., о чем сохранились сведения у армянского автора Фавстоса Бузанда. В своей работе «История Армении» он, основываясь на событиях, имевших место в 315–390 гг., писал, что в страну «царя маскутов, имя которого было Санесан», был отправлен

молодой епископ Григорис, который «представился маскутскому царю, повелителю многочисленных войск гуннов», и стал проповедовать христианство (*Фавтос Бузанд*, 1953).

Хотя эта попытка насадить христианство в районе Дербента не имела успеха, в дальнейшем христианские миссионеры Армении активизировали свою деятельность. Это было связано как с необходимостью охраны северных границ от разорительных набегов племен северокавказских степей на Закавказье, так и с поддержкой дагестанцев в условиях войны с Ираном.

Успехам армянских миссионеров в распространении христианства в Дагестане благоприятствовало и усиление политического влияния армянских царей на Южный Дагестан. Армянские цари, как писал Егише Вардапет, охраняли от гуннов «северные врата дербентские» (*История Егише Вардапета*, 1953).

Деятельность армянской церкви в Дагестане находила поддержку и у сасанидского Ирана. Находясь в состоянии войны с Византией и соперничая с ней за влияние на Кавказе, Иран тем самым пытался заручиться поддержкой народов Кавказа.

Все это и благоприятствовало распространению христианства в Дагестане. Именно «к этому времени был создан очаг христианства в Чоге, т.е. в районе Дербента», откуда, согласно источникам, епископство в 552 г. было перенесено в Партав. Но и после этого, надо полагать, «Чога не перестала быть рассадником христианства» (*История Дагестана*. 1967. С. 164).

Отсюда начинается и деятельность христианских миссионеров по распространению христианства к северу от Дербента, в частности в «царстве гуннов», со столицей в Варачане, который был не только резиденцией «страны гуннов», но и религиозным центром страны (*Гмыря Л.Б.*, 2008. С. 26). К тому времени в окрестностях Варачана находились языческие объекты (священная роща, храмы, скульптуры богов). Население его поклонялось священному дубу. Известны несколько посольств в «земли гуннов», в составе которых были епископы и священники из Византии. «Впоследствии к «гуннам» прибыл армянский епископ Макар, который построил «храм» и каменное здание в их стране... совершил знамения и многих крестил». В это же время Византия отправила к «гуннам» «тридцать мулов с пшеницей, вином, маслом, льном, другими плодами и священной уварью» (*История Дагестана*. 1967. С. 164). В феврале 685 г. в Варачан прибыло посольство во главе с епископом Израилем. В своей проповеди, произнесенной перед жителями города Варачан после водружения креста, сооруженного из священного дуба, епископ Израил призвал отказаться от их поклонения священным деревьям и поклоняться Богу перед крестом. Израил распространял христианство в Варачане поэтапно и искоренял поклонения солнцу, луне, культовым объектам, храмам и священным деревьям.

«В результате деятельности послов «гуннский князь» и его «лагерь» приняли христианство. Затем христианство приняли все «гунны». Были срублены священные деревья, и из них был построен огромный крест в Варачане. Были также уничтожены все капища «и погибли скверные кожи жертвенных чучел» (*История Дагестана*. 1967. С. 164).

Армянская церковь, как можно судить по сохранившимся сведениям, имела в «царстве гуннов» большие успехи, что способствовало дальнейшему распространению христианства на территории среднего Дагестана, где как на плоскости, так и в предгорье, с другими народами Дагестана проживали и даргинцы.

В сирийской хронике VI в. говорится, что к западу от Каспийских ворот, т.е. в прибрежной полосе Северо-Западного Каспия, включая и «Каспийские ворота и территорию к северу от прохода проживало 13 племен – авгар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сиур, гур, баграсик, кулас, абдел, ефталит. Из указанных названий тринадцати народов были и предки нынешних даргинцев (*Псевдо-Захария*. Кн. 2. Гл. 7. С. 165; *Пигулевская Н.*, 1941. Т. XLI).

О том, что на равнине и в предгорном Дагестана в прошлом проживали даргинцы, говорит и сохранившийся топонимический материал. До сих пор на территории южных кумыков многие местности, лесные участки, родники носят даргинские названия, на что в свое время обратила внимание профессор С.Ш. Гаджиева. Так, земля, расположенная

между тремя селениями – Янгикентом Кайтагского района, Капкайкентом и Башлыкентом Каякентского района, называется ХалачІянкІа – «большой палас» – в смысле «ровный участок» или «ровное поле»; «хола» – большой, «чІянкІа» – палас. Территория капкайкентского села, граничащая с землями даргинских сел, называется Гапкьай. «ХІябкьай» на даргинском языке означает «перекресток» (дороги), «три разветвления» (хІяб от хІябал – три, кьай – от кьали – ветка). Большая возвышенность севернее Башлыкента называется МуракІав, что на даргинском языке значит «сенокосный перевал» (мура – сено, хьаб – перевал, т.е. «сенокосный перевал»). Один из лесных участков на башлыкентской территории под названием Гули, граничащий с землями даргинских сел Кайтагского района, называется ВацІахІяри. ВацІахІяри в переводе с даргинского «лес с межами или лес с полянами» (вацІа – лес, хІяри – межа, заросшая кустарником, деревьями). Другой участок леса между Башлыкентом и Каякентом называется Чирми, что на даргинском языке означает «заборы». Большой лесной участок у ст. Каякент называется «КІуцІе». В даргинском фольклоре встречается это название в сочетании «КІуцІи вацІа», что означает «большой, сказочно густой лес». Название кумыкского селения Гьяша могло образоваться от даргинского ХІяшлиша (ХІяшли – собственное имя, окончание «ша» – от слова «ши» – село). Название старинного селения Башлы имеет даргинское происхождение: баршли-варшли. Как писала С.Ш. Гаджиева, «варш по-даргинские означает пах животного (коровий), низовье. Старый Башлы по отношению ко многим даргинским селениям занимал нижнюю часть большого плоскогорья» (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 37, 43). В Карабудахкентском районе имеется источник воды под названием «БекІГІниц», что означает на даргинском языке «главный источник», «главный родник».

Кроме приведенных названий различных местностей о проживании в прошлом на указанной территории даргинцев свидетельствует и лингвистический материал. В словарном составе диалекта южных кумыков встречается много даргинских слов, таких, как: кьали (ветка), кІанІа (женский головной платок), чІянкІа (палас), чІикІа (цыпленок), цІмиргъа (черевички), цІерц (кузнечик), вякьякьы (сорока), чатІа (ласточка), кьаца (козел), бехІцІари (плоский пресный хлеб), хинкІи (хинкал), чадур (ежевика), ламкьа (грязь на улице), цІилцІими (искры), цІелди (надмогильный памятник), нихъя (овес), гьенцІа (тенева сторона), кьанцІа (рыжий), чІапІа (плоский), цІабилкь (место, где разводится огонь для варки пищи в поле) и т.д. (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 42–43).

Согласно существующим сведениям, именно к этому времени, во всяком случае до начала арабских завоеваний в Дагестане, в предгорье и на равнине существовало от 9 до 14 крупных населенных пунктов даргинцев, известных у них в основном как города (Полевой материал 1962–1984 гг.). Причем, основание ряда нынешних даргинских сел, находящихся в среднем Дагестане, связывается именно с переселенцами из этих населенных пунктов (городов), разоренных, разрушенных и сожженных в основном в период арабских завоеваний в Дагестане. Спасаясь от завоевателей и не желая принимать новую религию, жители указанных населенных пунктов переселялись в глубь Дагестана, где и до них проживали этнически однородные с ними группы дагестанских народов.

Среди крупных населенных пунктов даргинцев преарабского времени были не только указанный выше Варачан, идентифицируемый многими исследователями с Урцекским городищем, но и такие города, как Гамри (Хамрин, Гумри, Хумра), Шам-шахар, Таргъу (Даргъу) и т.д. Первый из них располагался на берегу реки Гамри-Озень и тянулся, согласно преданиям, на 10 км. Вокруг него была построена оборонительная стена. Город был взят хитростью, разрушен и сожжен какими-то завоевателями, пришедшими с приморской равнины (*Алиев Б.Г.*, 1972. С. 16).

Говоря об этом городе, проф. Р.М. Магомедов отмечал следующее: «По данным эпиграфии, близ побережья Каспия существовал город Гамри. Неподалеку от этой местности расположено с. Кичи-Гамри, что по-кумыкски означает «маленький Гамри», вокруг него сохранились развалины большого поселения» (*Магомедов Р.М.*, 1969. С. 75).

Имеются сведения о Гамри и в письменных источниках. Так, в «Дербент-наме» говорится о существовании города «Гумри» еще в период правления в Иране Кубада (488–

531 г.) и его сына Хосроя I Ануширвана (531–578 г.) (Тарих «Дербент-наме», 1898. С.33). Источники называют Гамри (Хумра, Гумри) «вилайатом Дагестана» (*Шихсаидов А.Р.* Дагестанские исторические хроники... Л. 64), т.е. это была одна из политических структур Дагестана, известная у даргинцев под названием Хамур-Дарго (Хямур-Дарго).

Основные сведения о Гамри связаны с арабо-хазарскими войнами. Гамри, Хамри или Хамур упоминается при описании сражения арабов во главе с Салманом ибн Рабиа с хазарами. После четырехдневного сражения хазарский хакан, потерпев поражение от арабских войск, «вошел в крепость Хусайн в стороне Хамри» (*Мухаммед Аваби Акташи*, 1992. С. 144).

Существует мнение, что Гамри (Гумри, Хумра, Хамур, Хамри) – это упоминаемый в источниках того же времени город Таргу (Яргуа-Берху-Иергу-Тергху) (*Котович В.Г.* О локализации...). Между тем, как можно судить по источникам и преданиям, это разные города. Так, Табары, а вслед за ним Ибн ал-Асир (*Табары*, 1844; *Ибн ал-Асари*, 1940) перечисляли Гамри и Таргу одновременно, они фигурируют у них как разные города при описании одних и тех же событий. В одном из списков «Дербент-наме», где дается перечень обложенных Абу-Муслимом подушной податью земель и населенных пунктов Дагестана, также дается отдельно как Хумри, так и Тарху (*Шихсаидов А.Р.* Дагестанские исторические хроники... Л. 84). Согласно народным преданиям, город Таргу был расположен недалеко от Хамур-Дарго и в 10 км от с. Мургук (Полевой материал 1967 г.).

В раннесредневековый период (как говорится в существующих преданиях – «до прихода арабов», «до принятия ислама) в предгорной части территории даргинцев, кроме Гамри и Таргу, находились также такие города, как: Жаванбек (между с. Башлы и Кап-кайкент), города в местности «Хьулрела муза», о чем говорит само название («холм, где находились дома») и в местности «Щелдала кьаси» – между Таргу и «Хьлрела муза». Существует предание, что эти города были разрушены одновременно с Семендером. Об этом говорят и вещественные доказательства. В 9 км от современного с. Кичи-Гамри в местности «Дуршбала муза» до сих пор имеются остатки крепостной стены, протяженностью около одного километра вокруг горки. Ширина стены – около 4 м. Рядом с этим местом находится старинное кладбище (*Алиев Б.Г.*, 1972. С. 18).

Тогда же (в 30-е гг. VIII в.) арабы разрушили Варачан (Урцеки). Место, где находился город, примерно в 12 км от современного с. Буйнак или Уллубийаул, местные жители до сих пор называют Урцеки. Как писал В.Г. Котович, «топоним Урцеки стоит в одном ряду с топонимом Губден, Мулебки, Бурдеки и другими подобными наименованиями, часто встречающимися на территории расселения даргинцев» (*Котович В.Г.* О локализации дагестанских раннесредневековых городов... (Расширенные тезисы. Л. 3). Этимология топонима Урцеки раскрывается из даргинского языка в значении «к дереву» или «к деревьям» из «урц» (ули) – дерево. Имеется предание, что Урцеки был образован переселенцами из с. Урцеки нынешнего Дахадаевского района.

В.Г. Котович приводил убедительные доводы по поводу идентификации Урцеки и Варачана (*Котович В.Г.*, 1974. С. 192; 1986. С. 208, 211). Пишет об идентификации этих двух средневековых городищ и Л.Б. Гмыря (*Гмыря Л.Б.*, 1980. С. 13–27). Другого мнения придерживается М.С. Гаджиев, который в ряде статей, отвергая версию В.Г. Котовича об отождествлении Варачана и городища Урцеки, привел ряд положений, подтверждающих, по его мнению, нахождение этого исторического объекта на месте городища Шахсенгер, расположенного южнее городища Урцеки – к юго-востоку от с. Башлыкент, в 36 км к северо-западу от Дербента (*Гаджиев М.С.*, 1990. С. 77–78; 1995. С. 29–35). Эта идея подержана и другим дагестанским археологом Ш.О. Давудовым (*Давудов Ш.О.*, 2005. С.248, 250–251). Мы разделяем мнение Л.Б. Гмыря, которая, основываясь на убедительных доводах В.Г. Котовича о тождестве Варачана и Урцеки, пишет, что последние авторы «не дают сколько-нибудь достаточных оснований для определения» Шахсенгера «столичным городом крупного политического образования Приморского Дагестана» (*Гмыря Л.Б.*, 2009. С. 89).

Очевидно, к этому же времени относится и разрушение еще других городов, находившихся на современной территории даргинцев. Это прежде всего Шам-шахар (на территории нынешнего Карабудахкентского района), расположенный в 18 км от Каспийского моря, недалеко от с. Губден. Шам-шахар занимал территорию в два раза больше, чем Урцеки и, как писал Р.М. Магомедов, «это одно из древних дагестанских поселений», которое было расположено в живописной местности. Центром была, видимо, возвышенная часть города. Наверное, здесь был и храм, – не случайно местные жители называют это место «Киласила как», т.е. «Церковный, храмовый холм» (Магомедов Р.М., 1963. С. 57). Город с трех сторон был защищен крепостными стенами, а с четвертой – естественными обрывистыми скалами. По сведениям Р.М. Магомедова: «Почти рядом с древним Шам-шахаром был расположен, видимо, и второй город. Границы его начинаются за обрывистыми скалами, через лощину, тянутся примерно на 700–800 м. Город этот целиком горный. К нему ведет только одна дорога, – следы ее хорошо можно увидеть и сейчас. Город был обращен в сторону моря и сильно укреплен. Хорошо сохранились здесь остатки крепостной стены» (Магомедов Р.М., 1963. С. 57).

По сведениям, собранным также Р.М. Магомедовым, в районе указанных городов находился еще один город, развалины которого имеются в лесистой местности между Шам-шахаром и с. Джанга (Магомедов Р.М., 1963. С. 57). Это, как писал Р.М. Магомедов, были города «одного времени и одной культуры с урцекским» (Магомедов Р.М., 1963. С. 58).

Согласно преданиям, жители всех этих городов исповедовали христианство. Города были разрушены арабами, так как жители их не хотели принимать ислам и оказали завоевателям упорное сопротивление. Причем, как видно из собранного материала, христианство было армянского толка, что подтверждает распространение его здесь армянскими миссионерами из епископства, находившегося в районе Дербента. Об этом говорят и сохранившиеся сведения. Как писал Р.М. Магомедов, у губденцев сохранилось предание, что Шам-шахар некогда был заселен «народом армянской веры». «Тут, – видимо, отмечал он далее, – речь идет о христианском населении времен Кавказской Албании, – в ее времена распространение в горах шло именно через Армению. Потому-то, видимо, и жителей древнего Шам-шахара называют армянами» (Магомедов Р.М., 1963. С. 58). Отметить это нам важно потому, что и жители древних урахинских поселений, о чем будет сказано выше, исповедовали христианство армянского толка и находящиеся старые захоронения (кладбища) в Верхнем с. Урахи (Хьарша) связываются с армянами.

У губденцев же сохранилось предание и о том, что города, о которых мы говорим, были разрушены именно в период арабских завоеваний в Дагестане, нашествий их войск на территории даргинцев, оказавших им упорное сопротивление. Арабам не сразу удалось завоевать эти города, и поэтому, как отмечал Р.М. Магомедов, основываясь на существующих преданиях, «завоеватели не раз шли войной на эти города, но взять их они не могли. Лишь при арабском полководце Мерване эти крепости были взяты и сожжены». О Шам-шахаре же он писал: «Вполне возможно, название Шам-шахар и возникло как память о сожжении арабами города. Не горящий ли город Шам-шахар и не подтверждают ли это название толстые слои золы, уголь и обгоревшие куски дерева?» (Магомедов Р.М., 1963. С. 58–59).

С разрушением мусульманами перечисленных выше городов, так же как и с бесконечной сменой тюркоязычных племен в Приморском Дагестане, связано переселение большинства даргинцев в предгорье и Горный Дагестан. И на этот счет в памяти народа сохранилось много преданий, согласно которым даргинцы переселялись (уходили от завоевателей) к единоплеменным своим народам (даргинцам), жившим в более отдаленных от равнинного Дагестана местах. На территории расселения нынешних даргинцев образовалось много небольших тухумных поселений, объединившихся после похода Тимура в конце XIV – начале XV в. в территориально-тухумные и территориальные села. Это практически такие современные крупные села даргинцев, как Акуша, Цудахар, Усиша, Муги, Урахи, Мекеги и др., в которых живут представители различных тухумов, выходящих из указанных небольших тухумных поселений.

Армянские миссионеры проникли и в горные районы даргинцев, среди жителей которых они также распространили христианство. Об этом говорят сохранившиеся сведения среди жителей ряда сел Акушинского, Сергокалинского, Левашинского, Кайтагского и Буйнакского районов Дагестана.

Для убедительности остановимся на материале, собранном в с. Урахи Сергокалинского района. Среди урахинцев существует предание, что в прошлом их предки проживали на плоскости, а именно в районе Урцекского городища. Переселение их было связано с нашествиями на равнину иноземных завоевателей и в особенности безжалостных арабов-мусульман. До переселения на территорию нынешнего с. Урахи и его отселков переселенцы останавливались в разных местах, основывали ряд населенных пунктов на территории современных Карабудахкентского и Сергокалинского районов, двигаясь все дальше и дальше в горы в более безопасные места.

В связи с этим большой интерес представляют записи, которые имелись в урахинских летописях и на полях арабских рукописей и Коранов. По сообщению одного из старожилов с. Урахи Багомеда Абдуллабекова, когда в 1917–1920 гг. он учился в урахинской примечетской школе, то был свидетелем разговора между двумя известными урахинскими арабистами – Ибрагимом-кади и Улакай-будуну. Первый из них, обращаясь к Улакай-будуну сказал: «Я нашел запись на полях Корана, где сказано, что в незапамятные времена урахинцы жили на берегу моря – в районе Ураки – близ селения Бойнака». Это район города Урцеки. По территории проживания предков урахинцев проходили бесчисленные племена варваров, с которыми им приходилось постоянно воевать. И, наконец, сюда пришли арабы, которые и разрушили Урцаки и другие населенные пункты. Урахинцы, устав от постоянной опасности и борьбы с внешними завоевателями, ушли в район нынешнего с. Джанга, а затем и в Шам-шахар.

Но предки урахинцев не нашли покоя и в Шам-шахаре. После разрушения города Урцеки арабы разрушили и этот город. «Говорят, что завоеватели не раз шли войной на эти города, но взять их не могли. Лишь при арабском полководце Мерване эти крепости были взяты и сожжены» (*Магомедов Р.М.*, 1963. С. 59).

Очевидно, к этому времени относится переселение урахинцев из разрушенного и сожженного арабами Шам-шахара еще дальше в горы – сначала в район, известный у местного населения ныне под названием Къапчикъуни (около птицефабрики «Дешлагар» Сергокалинского района). Но и здесь они не нашли покоя и ушли в ущелье Ая-Кака, где до сих пор сохранились остатки (развалины) населенного пункта, где жили урахинцы. Это было их предпоследнее место, а затем урахинцы переселились на современную территорию их расселения и поселились родственными группами в местностях Издагиши, Уркакъар и Ураки. Из указанных мест урахинцы спустились в долину, где образовали поселения Къукъяра, Мулиги, ДахIша (там и раньше существовало поселение, имевшее и второе название – КIалгIа бухIнала – «внутри крепости»), ХIвябрела хъвяб'и Ганзе бахI. ДахIша после переселения с равнины соплеменников еще больше расширилась и укрепилась (*Улакаев И.М., Алиев Б.Г.*, 2004. С. 89–90) и затем явилась основой нынешнего селения Урахи, территория которого тянулась от мулебкинских земель до земель Кичигамри, Мюрего, Губден, Мекеги и Уркарах, на которой с расширением его образовалось множество хуторов, входивших в Урахинский джамаат.

Переселенцы-даргинцы в горную часть, без сомнения, должны были быть христианами. Показателем этого, как было отмечено выше, является христианизация населения Приморского Дагестана сначала албанскими, а затем и армянскими миссионерами, о чем писали Н. Пигулевская, А.Р. Шихсаидов, А.В. Гадло, Ю.Р. Джафаров, Л.Б. Гмыря и др.

Надо полагать, что и жители, живущие на территории, куда дошли переселенцы, были христианизированы, хотя трудно сказать, когда это произошло – в тот же период истории, что и христианизация равнинных жителей, или позднее их. Но, исходя из принятия переселенцев на свою территорию, можно полагать, что они были уже единоверцами с переселенцами, хотя не исключено и другое – на их верования могли оказать влияние переселенцы-христиане. Но нельзя отрицать, что если даже какое-то время местное насе-

ление и не было христианским, то потом оно приняло христианство. Впрочем, в этот вопрос в какой-то мере вносит ясность народная традиция. Согласно многочисленным преданиям, бытующим среди урахинцев, жители главного поселения урахинцев ДахIша (или КIялIяла бухIнала) исповедовали христианство именно армянского толка, что подтверждается находками здесь в прошлом христианских крестов на различных камнях, свидетелем чему является и автор данной статьи, видевший еще в 50-е гг. XX в. один такой камень с весьма хорошо сохранившимся на нем христианским крестом, вмонтированный в стену каменной стены около домостроения А. Джамирзаева. Да и само селение Урахи построено (в основном верхний аул (Хъарша), начиная от мечети этого квартала и до квартала ПIургIя хIяллишила) на кладбище, захоронения которых немусульманские. И сами урахинцы говорят, что они «произошли от армян», «являются армянами». Все это, конечно же, является показателем того, что здесь в прошлом жители поселения, находившегося на месте нынешнего с. Урахи, исповедовали христианскую религию армянского толка.

Очевидно, к этому же времени следует отнести и сведения о с. Кадар. Согласно имеющимся сведениям об этом селении, ко времени нашествия тимуровских полчищ вокруг нынешнего Кадара находились и другие населенные пункты – поселения в местностях Гаткилик, Хабраламуса, Эрбехерх, Хивливерг, Ванадагурбе, в которых, как и в самом Кадаре, согласно рассказам местных старожилов, проживали «армяне». Это также говорит о распространении среди жителей этих даргинских поселений христианства армянского толка миссионерами из Армении или из епископства около Дербента (*Алиев Б.Г.*, 1988. М. 20).

Казалось бы, после многократных арабских походов ислам должен был вытеснить другие религии, распространенные среди даргинцев до прихода арабов. Однако имеющиеся сведения показывают, что жители ряда районов, политических структур и населенных пунктов продолжали исповедовать и после арабских завоеваний христианство. В частности, об этом можно судить по сведениям арабского автора первой половины X в. ал-Истахри, писавшего, что к Дербенту прилегают «разные страны кяфиров» (СМОМПК, 1908. С. 98). Другой арабский автор Ибн-Русте в начале X в. писал, что царь Хайзана (Хайдака) Адзар-Нарса исповедовал три религии (христианство, иудейство и мусульманство) – «по пятницам он молился с мусульманами, по субботам – с евреями, а по воскресеньям – с христианами. Всем, кто посещает его, он объясняет, что [представители] каждой из этих религий зовут [людей] в свою веру и утверждают, что истина в ней и что всякая другая религия, кроме их собственной, несостоятельна, «поэтому я и придерживаюсь их всех для того чтобы достичь истины всех религий» (*Минорский В.Ф.*, 1963. С. 220).

Исповедовали христианство до арабских завоеваний и даже на много веков позже и верхнедарганцы. Хотя, как пишет ряд авторов, в связи с походом арабских войск во главе с Масламой (Абу-Муслимом) в таких селениях, как Акуша, Цудахар, в обществе Сюрга и др. были построены соборные мечети, но ислам на самом деле утвердился не во всех селениях даргинцев. Об этом говорят и многократные походы из Дербента и даже Ширвана в Шандан, локализуемый исследователями в основном на территории современных даргинских районов, который так и не был покорен арабами, а жители его не приняли ислам. Арабские источники прямо говорят, что «среди племен неверных в пограничной области (сагр) ал-Баба злейшим [врагом] мусульман был народ Шандана (*Минорский В.Ф.*, 1963. С. 48). Это были даргинцы, объединившиеся позже с распадом Шандана как объединяющей их политической структуры в союзы сельских общин. Поэтому источники и говорят о многочисленных походах на Шандан и сражениях мусульман с его народами.

В 273 г. хиджры (886 г.) правитель Дербента Мухаммад б. Хашим «напал на территорию Шандана и покорил принадлежащие к ней населенные пункты Д.нк.с. и Ш.л.шли» (*Минорский В.Ф.*, 1963. С. 65), под которыми известный востоковед В.Ф. Минорский подразумевал современные даргинские селения Дибгаши и Чицили, расположенные восточнее Уркараха.

В 297 г. хиджры (909 г.) правитель Ширвана Али б. Хасам вместе с эмиром ал-Баба Мухаммадом б. Хашимом, к которым примкнуло «большое число добровольцев и чтецов Корана (кура) из других мест» (*Минорский В.Ф.*, 1963. С. 48), потерпел поражение в сражении с народом Шандана. Правители Ширвана и Дербента вместе с 10 тыс. мусульман были взяты в плен, которых поделили «между людьми Шандана, Сарира и хазарами» (*Минорский В.Ф.*, 1963. С. 48).

В 326 г. (938 г.) правитель Дербента Абд ал-Малик б. Сурака послал на Шандан своего помощника Абу-ал-Фавариса с конным отрядом из дербентцев и хайдакцев. Напав внезапно на Шандал, они «убили много знатных лиц... и овладели Дик.ш», т.е. Дибгаши (*Минорский В.Ф.*, 1963. С. 66).

В 429 г. хиджры (1037 г.) шанданцы совершили поход в Дербент. Они «подошли» к воротам города (столицы) ал-Баба и пограничной области». Но поход был неудачным. «Некоторые из них (шанданцев. – Авт.) были взяты в плен, другие убиты», хотя и «среди мусульман были также потери» (*Минорский В.Ф.*, 1963. С. 72).

Однако и после этого поражения христианский Шандан продолжал представлять собой угрозу для мусульман. Поэтому в 432 г. хиджры (1040 г.) был совершен новый поход против Шандана (*Минорский В.Ф.*, 1963. С. 72). Это последнее существующее известие о Шандане.

Приведенные данные дают возможность говорить, что жители Шандана не являлись мусульманами. Это подтверждается также народными преданиями и событиями, связанными с нашествием в конце XIV в. в Верхнее Дарго полчищ Тимура.

Согласно сведениям, собранным нами в ряде сел современного Акушинского района, жители их до ислама исповедовали христианство. Известно, что с. Бутри в прошлом было не только политическим, но и духовным центром Верхнего Дарго. Отсюда распространялся ислам в другие даргинские селения, и это селение даже являлось поставщиком религиозных кадров в другие даргинские села. Так, известно, что в начале XIV в. духовным лидером (кадием) в Кайтаге был Манас, сын Нуха ал-Бутри с местопребыванием в с. Бармашай (*Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев М.Р.*, 1993. С. 161). Однако, как показывают имеющиеся сведения, в прошлом бутринцы также исповедовали христианство. Как рассказывали нам старожилы селения, здесь имеются старые кладбища с домусульманскими захоронениями. Христианская соборная церковь находилась в самом Бутри, а в местности «Гумри» был дом священника, которого после принятия ислама бутринцами стали звать Адиль-Гиреem. О распространении в с. Бутри в прошлом христианства свидетельствует и то, что на местах бывших поселений, находящихся недалеко от Бутри (Гумрилаши, Гумрила элабек, Ургала элабек, Адамла элабек, Халадуцла бек, Талхан элабек), до сих пор находят металлические каменные кресты (*Алиев Б.Г.*, 1988. С. 14–15).

Христианство, как показывает собранный нами материал, до исламизации исповедовали и жители соседнего с Бутри с. Геба. В местности «Дунна бекI» имеются захоронения под названием «капуртала хIябри» («захоронения неверных») (Полевой материал, 1984). Название кладбища, очевидно, возникло после принятия жителями Геба ислама, так как «неверными» мусульмане называли всех, кто исповедовал иную веру.

В с. Гапшима местный арабист, знаток прошлой истории даргинцев, Н. Даудов рассказывал в 1962 г., что даже в его время почти на всех домах были кресты, их носили на груди, многие делали татуировки, кресты вешали на рога быков. Причем христианство и здесь было армянского толка.

Наибольший интерес представляют сведения о христианстве в с. Усиша (Акушинский район), ставшем после исламизации бутринцев политическим и духовным центром Верхней Даргинии. Соседи усишинцев с. Усиша даже называют «хахултала ши» (т.е. «русское селение», «селение русских»). Возможно, что этим подчеркивается наибольшая распространенность среди усишинцев христианства и его главенство среди верхнедаргинских христиан. Согласно собранным нами в результате многократных поездок в Усиша сведениям, в центре селения на возвышенной местности под названием «Къалала бекI» в прошлом находился большой соборный храм (киласи).

Автор настоящей статьи в 60-е гг. XX в. несколько раз встречался со старожилками с. Усиша Алибеком Алибековым, Ахмедом Замовым, Магомедом Галбецовым и др. знатоками прошлой истории и арабского языка, у которых было много арабских рукописей, которые рассказывали, что они лично видели красивую позолоченную одежду усишинского епископа и большой христианский крест из золота и серебра.

Бытует предание, что среди даргинцев самыми последними ислам приняли именно усишинцы (Полевой материал 1962, 1966 гг.). Поэтому, будучи в Дагестане в 1396 г., Тимур совершает в Усиша (в прошлом село называлось Ускиша, а в источниках XIV в. оно известно как Ушкудже) «исламский» поход, поход против «неверных». Поход Тимура в Усиша был совершен под флагом «священной войны». В работах историографов Тимура Шереф ад-дина Йезди и Низам ад-дина Шами усишинцы названы «неверными», которых завоеватели, захватив селение после упорного сопротивления, убили, «из убитых сделали холмы и опустошили их область». Под «областью» здесь надо понимать союз верхнедаргинцев, во главе которого стояло с. Усиша. Полчища Тимура так же поступили и с жителями других даргинских селений, которые исповедовали христианство и иудейство: Муги, Мулебки, Герга, Мекеги, поселения между Мулебки и Мекеги и др.

После похода Тимура в конце XIV в. среди даргинцев основной религией становится ислам. С этого времени и происходит возвышение Акуша как политического и религиозного центра Верхнего Дарго. И в этом конечно, главная роль принадлежала Тимуру. Именно ему принадлежит заслуга, что среди даргинцев с конца XIV в. ислам утверждается как главная религия. «Я поставил в каждом городе представителя религии и благочестивых людей для научения мусульманскому Корану и для объяснения главных оснований веры на основе комментариев ученых и священного предания» (Тамерлан..., 1992. С. 114). На это указывалось и в грузинских летописях. «Тимур-ленг покорил их (леков), то лестью, то угрозами совратил их в мусульманство и назначил им мулл из арабов, которых обязал учить лезгинских (читай дагестанских. – Авт.) детей письму на арабском языке (*Картлис Цховрѣба*. Известия грузинских летописей и источников о Северном Кавказе и России. 1847. С. 51–52.).

И все же христианство и после Тимура и разгрома христианских центров продолжало бытовать среди определенной части даргинцев.

В своем сочинении «Книга познания мира», завершеном в 1404 г., архиепископ персидского города Султанийи Иоанн де Галонифонтибус, путешествовавший по Кавказу и имевший возможность наблюдать за различными народами, писал: «Жизнь этих лезгинов (дагестанцев. – Авт.) регулируется, кажется, всеми существующими законами (т.е. религиями. – Авт.). Некоторые из них следуют за сарацинами (т.е. мусульманами. – Авт.), другие – за грузинами (т.е. исповедовали христианство грузинского толка. – Авт.), а некоторые – за христианами (т.е. католиками. – Авт.)» (*Галонифонтибус Иоанн*, 1980). В связи с этим интересно, почему Тимур в 1395 г., преследуя золотоардынского хана Тохтамыша и после разгрома христианских селений Верхнего Дарго и других обществ даргинцев в 1396 г., совершает второй поход в Кайтаг. Известно, что ислам жители Кайтага приняли одними из первых среди народов Дагестана. Но, как было отмечено выше, здесь наряду с исламом его жители исповедовали также христианство и иудаизм. Согласно существующим сведениям, уцмий Кайтага был сторонником Тохтамыша. Но причиной двухкратного похода Тимура в Кайтаг было не только желание наказать его как сторонника Тохтамыша. Была здесь и другая причина.

Согласно источникам, в XIV в. на Дагестан и, в частности на проходящий по нему (приморская часть) отрезок Великого шелкового пути, идущий от Таманского полуострова до Дербента, откуда открывалась сухопутная дорога на Закавказье и Ближний Восток и морские пути в Гилян, к устью Волги и устью Узбоя (далее в Среднюю Азию), обратили внимание западные католические миссионеры и торговцы. Как отмечает дагестанский ученый А.Е. Криштопа, «они не могли рассчитывать на какой-либо успех непосредственно в Дербенте, который всегда был в сфере влияния сильных государств Ближнего Вос-

тока и где прочно укрепился ислам – поэтому они сосредоточили свою деятельность в приморском и предгорном Дагестане и в Кайтаге» (*Криштопа А.Е.*, 1970. С. 112).

Деятельность католических миссионеров не прошла даром. Миссионеры шли вслед за генуэзскими торговцами. Согласно доносу католического резидента римской курии в Тамани от 1358 г., его епархия достигла Железных ворот (Дербента). Около 1363 г. из архиепископства Матраги, находившегося на Таманском полуострове, в результате деятельности миссионеров выделяется «епископство Каспийских ворот», т.е. миссионерский округ, охватывающий часть территории Дагестана. В 1370 г. в донесениях этого епископства упомянут «епископ Лазарь Таркинский», который раньше был священником «греческого вероисповедания» (т.е. православным, по-видимому, связанным с церковью Грузии), а теперь перешел в католицизм (*Магомедов Р.М.*, 1999. Т. 1. С. 116). К 1392 г., по данным ордена францисканцев (Советский энциклопедический словарь, 1980. С. 1442), в епископстве Каспийских гор было около 10000 обращенных в католичество дагестанцев (*Криштопа А.Е.*, 1970. С. 116). Исследовавшие этот вопрос А.Е. Криштопа и Р.М. Магомедов ставят под сомнение достоверность указанного числа католиков среди дагестанцев (*Криштопа А.Е.*, 1970. С. 116). «Цифра эта, – писал Р.М. Магомедов, – конечно, вызывает естественное недоверие, ведь нет никаких других источников, кроме этого донесения. Писавший его миссионер мог не опасаться проверки из Рима, а большое число обращенных способствовало его карьере. Очень возможно, что мы имеем здесь дело с обычными «приписками» (*Магомедов Р.М.*, 1999. Т. 1. С. 116).

Но нас интересует, собственно, не эта цифра общего характера, а конкретные сведения, касающиеся распространения католицизма среди даргинцев. На них мы и остановимся. Согласно булле папы Бонифация IX от 1401 г., в «стране кайтагской» возникли 5 епископских центров: Chomek, Thuma, Tarchu, Degweli, Michaha. Французский исследователь Жан Ришар, разыскавший приведенные донесения в Ватикане, идентифицирует их как Kutmuk, Tjumen, Dourgali, Mishlak (*Ришар Ж.*, 1963. Т. III. С. 604).

Комментируя эти сведения, А.Е. Криштопа и Р.М. Магомедов полагают, что последним трем названиям соответствуют Тарки, Дургели, Мекеги (*Криштопа А.Е.*, 1970. С. 116; *Магомедов Р.М.*, 1999. Т. 1. С. 116), которые, как писал последний, «лежали в пределах «Страны Кайтагской». Следовательно, политический контроль уцмий простирался на север до с. Тарки (*Магомедов Р.М.*, 1999. Т. 1. С. 116).

Соглашаясь с идентификацией Tarchu с Тарки и Michaha с Мекеги, вместе с тем, нам думается, что под Degweli (у Ж. Ришара Dourgali) следует иметь в виду с. Дегва (в составе нынешнего Сергокалинского района), которое находится недалеко от с. Мекеги и жители которого также говорят на мекегинском диалекте даргинского языка. Возможно даже, что католические миссионеры сначала были в Дегва, так как это селение, если идти в горы с равнины, встречается раньше, а Мекеги располагается дальше него.

Что касается Thuma, то мы согласны с мнением, что оно «может быть искаженным названием существующего ныне в Кайтаге с. Тама» (*Криштопа А.Н.*, 1970. С. 113), являющегося главным селением общества Ирчамуля (*Магомедов Р.М.*, 1999. Т. 1. С. 148).

Как было отмечено выше, в 1395–1396 гг. Тимур разорил Кайтаг не только как сторонника золотоордынского хана Тохтамышша, но и по религиозным мотивам. От походов Тимура «сильно пострадали католические миссии». Как отмечено в исторической литературе, «дагестанские католики опасались нового нашествия Тимура: пользуясь этим, генуэзец Антуан Реккана даже добился санкции папы на строительство на Каспийском море военного флота, который он обещал каким-то образом использовать против Тимура. Готовился даже крестовый поход для защиты католических интересов в Кайтаге против Тимура, причем, интересно, что во главе его должен был стать францисканец, занимавший ответственные должности в ордене» (*Криштопа А.Е.*, 1970. С. 113), некий Антуан Солпан – уроженец «Страны Кайтагской» (*Магомедов Р.М.*, 1999. Т. 1. С. 145). Как писал Р.М. Магомедов, «к 1401 г. относятся сведения о том, что Антуан Солпан добился от римского папы Бонифация IX позволения начать организацию военной помощи католикам Дагестана против Тимура» (*Магомедов Р.М.*, 1999. Т. 1. С. 145). Как сообщал фран-

цуз Ж. Ришар, «участникам этого предприятия была пожалована индульгенция (т.е. прощение грехов)... Антуан Солпан был назначен главнокомандующим», но на этом все и кончилось. Тимур начал войну с турками-османами, досаждавшими Европе, и одновременно повел с французами королем переговоры о торговых льготах (Магомедов Р.М., 1999. Т. 1. С. 145). «Опасность миновала, и мы не слышали более разговоров об организации крестового похода против Тамерлана, чтобы защитить кайтагцев», – заключает Ж. Ришар. Иначе говоря, прагматичный Запад предпочел реальные политические и торговые выгоды, отложив в сторону помощь своим истекающим кровью кайтагским единоверцам» (христианам) (Магомедов Р.М., 1999. Т. 1. С. 145). Но, как писал далее Р.М. Магомедов, и после похода Тимура на Кайтаг в 1395 и в 1396 гг. здесь «все же уцелели элементы, готовые продолжать борьбу при условии их поддержки. По нашему мнению, это единственное серьезное объяснение продолжительных и упорных усилий Тимура, обращенных на столь бедную ресурсами и столь «неподатливую» для завоевания страну, как Дагестан (Магомедов Р.М., 1999. Т. 1. С. 145–146).

Вместе с тем удар, нанесенный Тимуром в 1395 и в 1396 гг. католицизму в Дагестане, был настолько сильным, что он «не мог оправиться от пережитого удара без помощи с Запада» (Криштона А.Е., 1999. С. 114). Именно этой помощью можно объяснить наметившуюся в Кайтаге общественно-политическую стабилизацию, которая «раньше всего» начинается в Зирихгеране и Ирчамуле, которых мало задело нашествие Тимура, а позже всего – в Кара-Кайтаге, медленно оживавшем после разорения 1395 и 1396 гг. Этим можно объяснить и наметившиеся признаки оживления католической общины Кайтага. Как указывал Р.М. Магомедов, «опираясь на архивы папской курии, французский исследователь Ж. Ришар сообщает, что в 1421 г. в одну из миссий «Страны Кайтагской» назначен новый епископ, который привез с собой индульгенцию для верующих «Каспийских гор», а в 1422 г. некий францисканец из Генуи начал подыскивать миссионеров для францисканских монастырей в «епископстве Каспийских гор». И далее, как писал Р.М. Магомедов, «в 1433 г. «Атрашитанус», епископ таркинский (Тарки входило тогда в сферу влияния Кайтага) привел группу церковников, чтобы укрепить в вере «очень многочисленный христианский народ «Каспийских гор». Иными словами, оживающий Кайтаг не только стремился вернуть себе место среди соседей, но и возобновить прежние связи с Западной Европой» (Магомедов Р.М., 1999. Т. 1. С. 149).

Но католицизм ни в Кайтаге, ни в Дагестане в целом не укрепил далее своих позиций. «В середине XV в. католическому влиянию в Дагестане был нанесен второй, и на этот раз сокрушительный удар: в 1453 г. турки взяли Константинополь, и свободное проникновение генуэзцев через черноморские проливы к берегам Кавказа прекратилось. К последней четверти XV в. турки контролировали уже все северное Причерноморье и генуэзским колониям здесь пришел конец; проникновение миссионеров из Западной Европы на Кавказ через Польско-Литовское государство также стали невозможным.

К тому же в этот период слабеет внешняя активность западного католицизма: основные его силы связаны в самой Европе борьбой с надвигающейся Реформацией за возвращение былой духовной монополии» (Криштона А.Е., 1970. С. 114), направленной против католической церкви и отрицающей ее необходимость вообще с ее иерархией и духовенством (Советский энциклопедический словарь, 1980. С. 1134).

Завершая эту небольшую по объему статью, хочется обратить внимание еще на один момент – христианство среди даргинцев, как показывают имеющиеся сведения, распространялось не только армянскими миссионерами с юга или из генуэзских причерноморских колоний. Христианство среди определенной части даргинцев распространялось и из Грузии через Аварию, что, в частности, имело место в Цудахарском обществе. Согласно имеющимся сведениям, цудахарцы исповедовали до ислама христианство грузинского толка. С этим, надо полагать, связана и одна из версий об основании и самого с. Цудахар, согласно которой его основали переселенцы брат и сестра, выходцы из Грузии, которые бежали от преследований князя (Анучин Д.Н., 1844. С. 424). То же самое можно сказать и об одной из версий о происхождении названия Цудахара. Согласно Бахматову, название

«Цуда-хар» по-грузински означает «праздничный человек» («цуда – праздник, «каззи» – человек) (Кавказ, 1863. № 29).

Из приведенных материалов, хотя, возможно, они кажутся недостаточными, все же, как нам думается, видно, что христианство среди даргинцев до их исламизации было основной религией. Христианство различных направлений исповедовали жители разных даргинских обществ как в дотимуровское, так и послетимуровское время, вплоть до середины XV в. Христианство, по существу, исповедовали жители всех даргинских политических структур, за исключением тех обществ, где распространенной религией был иудаизм. Ряд даргинских сел, такие, например, как Усиша Мекеги, Тама и т.д. выступали то как центры христианства того или иного направления, то как центры иудаизма. Иудаизмом было охвачено меньше даргинского населения. Иудаизм был характерен в особенности для Мекеги, где больше всего, согласно народной традиции даргинцев, он был распространен. Причем в прошлом между сс. Мекеги и Мулебки находился ряд населенных пунктов, которые также исповедовали иудаизм. Но это была не единственная территория даргинцев, жители которого исповедовали иудаизм. Известно, что (об этом говорят и источники) в ущелье «ЖугьутГла къадди» – ниже Калакорейша, раньше, т.е. вплоть до середины XVIII в. проживали евреи, заселенные сюда в свое время Сасанидами. Конечно, они не могли не оказать влияние и на окружающее население. Согласно народной традиции, между современным кайтагским селением Ираги и до самого ущелья «ЖугьутГла къадди» находился ряд населенных пунктов, жители которых также исповедовали иудаизм. Какое-то распространение иудаизм получил и среди даргинских сел Верхнего Кайтага, свидетельством чему являются сохранившиеся среди некоторых из них различия в традициях иудеев, связанных с похоронными обрядами.

Поэтому, совершая поход в Дагестан, Тимур выбирал для борьбы как с наиболее «неверными» и кайтагов, и усишинцев, и мекегинцев, которые перечислены его историографами Низам ад-дином Шами и Шереф ад-дином Йезди как места, где происходили жестокие кровопролитные события. В их работах центры указанных жителей, как отмечалось выше, даны как Кайтаг, Усикуджа (Ускиша – Усиша) и Мика (МикІхИи-Мекеги), которые выступали не только как религиозные, но и политические центры: Тама была центром самого большого союза сельских общин Кайтага – Урчемула, Мекеги – одного из сильных верхнедаргинских союзов, а Усиша – не только центр Усишинского союза, но и федерации верхнедаргинских союзов, известной в то время просто как Дарго, а затем с возвышением Тимуром с. Акуша ставшим центром Дарго – как Акуша-Дарго.

Данная статья является попыткой проследить пути и время проникновения, а также распространения христианства среди даргинцев. Поэтому мы не исключаем, что в ней возможны и определенные недочеты, связанные главным образом с неисследованностью вопроса и недостаточностью для его более широкого изучения источниковой базы. Но мы надеемся, что дальнейшая поисковая работа даст возможность шире и полнее изучить все вопросы, связанные с распространением христианства среди даргинцев.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акташи Мухаммед Абаби, 1992. Дербент-наме / Перев. с тюркского и арабского списков, предисловие и библиография Г.М.-Р. Оразаева и А.Р. Шихсаидова. Комментарии Г.М.-Р. Оразаева. Махачкала.

Алиев Б.Г., 1972. Каба-Дарго в XVIII–XIX вв. (Очерк социально-политической истории). Махачкала.

Алиев Б.Г., 1988. Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала.

Анучин Д.Н., 1888. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // ИРГО. СПб. Т. 20. Вып. 4.

Гаджиев М.С., 1990. О локализации Варачана // Тез. докл. XVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Ставрополь.

Гаджиев М.С., 1995. О местоположении Варачана // РА. № 2.

Гаджиева С.Ш., 1961. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М.

- Галонифонтибус Иоанн*, 1980. Сведения о народах Кавказа / Перев. З.М. Бунятова. Баку.
- Гмыря Л.Б.*, 1980. «Царство гуннов» (савир) в Дагестане IV–VII вв. н.э.. Дис. ... канд. ист. наук. М.
- Гмыря Л.Б.*, 1980. Некоторые сведения о гуннах в Дагестане // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
- Гмыря Л.Б.*, 2008. Культ священных деревьев в религиозных воззрениях населения Прикаспийского Дагестана (VII–VIII вв.) // РА. № 2.
- Гмыря Л.Б.*, 2009. Религиозные представления населения Прикаспийского Дагестана в IV–VII вв. Махачкала.
- Давудов Ш.О.*, 2005. Шахсенгерское городище // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала.
- Ибн ал-Асир*, 1940. Тарих ал-Камиль / Перев. с араб. П.К. Жузе. Баку.
- История Дагестана, 1967. М. Т. 1.
- История Егише Вардапета, 1953 / Перев. с армян. П. Шамшиева. Тифлис.
- История Каракайтгага, 1993 // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.
- Картлис Цховрэба*, 1893. Известия грузинских летописей и источников о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис. Вып. 22.
- Котович В.Г.*, 1986. Из истории Дагестана (середина VII – первая половина XVIII в. // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Котович В.Г.* О локализации дагестанских раннесредневековых городов в связи с вопросом о темпах и масштабах арабских завоеваний в Дагестане в середине VII – первой половине VIII вв. н.э. (расширенные тезисы).
- Котович В.Г.*, 1974. О местонахождении раннесредневековых городов Варачан, Беленджера и Таргу // Древности Дагестана. Махачкала.
- Криштопа А.Е.*, 1970. Сведения западноевропейских путешественников XV века о Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сбор. науч. трудов ДГУ им. В.И. Ленина. Махачкала. Вып. I.
- Магомедов Р.М.*, 1999. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала. Т. 1.
- Магомедов Р.М.*, 1963. Легенды и факты. Из записных книжек историка. Махачкала.
- Магомедов Р.М.*, 1969. Легенды и факты о Дагестане. Из записных книжек историка. Махачкала.
- Минорский В.Ф.*, 1963. История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М.
- Пигулевская Н.*, 1941. Сирийские источники по истории народов СССР // Труды Ин-та востоковедения. М.; Л. Т. XII.
- Полевой материал, 1966.
- Полевой материал, собранный в Акушинском, Левашинском, Сергокалинском и Буйнакском районах в 1962–1984 гг.
- Полевой материал, 1984.
- Псевдо-Захария*, 1941. Хроника Зихария Ритора (Главы, относящиеся к гражданской истории) / Перев. Н. Пигулевской // Пигулевская Н. Сирийские источники...
- Ришар Ж.*, 1963. Латинские миссионеры у кайтагцев Дагестана XIV–XV вв. // Материалы Международного конгресса востоковедов. М. Т. III.
- СМОМПК, 1909. Тифлис. Вып. 38.
- Советский энциклопедический словарь, 1980. М.
- Табари*, 1844. Тарих ар-русул вал-мулк / Перев. акад. Д. Дорна // ЖМНП. СПб.
- Тарихи Дербент-наме, 1898 / Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис.
- Тизенгаузен В.Г.*, 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М: Л.
- Улакаев И.М., Алиев Б.Г.*, 2004. Урахи и урахинцы (хИурухъ). Махачкала.
- Фавтос Бузанд*, 1953. История Армении Фавтоса Бузанда / Перев. М.Н. Геворкяна. Ереван.
- Шихсаидов А.Р.* Дагестанские исторические хроники // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 158.